

Монастырская усадьба «Здравница» и благотворитель обители схимонах Иннокентий (Сибиряков)

Доктор исторических наук М. В. Шкаровский

Земли Свято-Троицкого Линтульского монастыря состояли из двух частей. Большая часть — 250 гектаров были пожертвованы тайным советником Федором Петровичем Нероновым, эти земли располагались по обе стороны реки Линтуловки (Линтулан-йоки). Другой участок, площадью более 100 гектаров, в конце 1890-х годов подарил обители известный благотворитель миллионер — золотопромышленник Иннокентий Михайлович Сибиряков, позднее принявший монашеский постриг на Афоне. Земля, подаренная жертвователем, находилась на расстоянии семи километров от зданий монастыря, вблизи селения Ялкала на берегу живописного озера Красавица (Каухи-Ярви) и относилась к его усадьбе «Мир». В состав усадьбы также входили два дома среди леса, недалеко от берега озера. Главное здание представляло собой большое трехэтажное бревенчатое строение, в котором было 40 комнат; другой гораздо меньший бревенчатый дом состоял из 10 комнат. Свое имение и денежное пожертвование в размере 10 тысяч рублей Иннокентий Михайлович Сибиряков подарил Свято-Троицкой Линтульской монашеской общине с условием, что сестры выстроят церковь во имя почитаемого им святителя Иннокентия Иркутского, однако дальнейшие обстоятельства помешали выполнению этого пожелания.

В начале XX века здания усадьбы община предоставляла для проживания паломникам и путешественникам. Во время русско-японской войны сестры Линтульской общины (11 сентября 1905 ей был присвоен статус монастыря) предоставили в начале 1905 года главное трехэтажное здание усадьбы для устройства военного госпиталя и санатория (здравницы), который содержался за счет вдовствующей императрицы Марии Федоровны (матери императора Николая II). В меньшем доме во время войны жили врачи и санитарки. В результате вся монастырская усадьба получила новое название «Здравница». От этого русского слова произошло и финское название усадьбы — «Раунница» (Raunitsa или Kraunitsa).

В «Летописи войны с Японией» от 19–26 апреля 1905 года сообщалось: «Ее Величеству Государыне Императрице Марии Феодоровне благоугодно было поручить временному Имени Ее Величества Комитету осуществить желание Государыни Императрицы, чтобы выздоравливающим после тяжких болезней и ран, а также грудным и нервным больным, возвращающимся с Дальнего Востока, была дана возможность продолжительного отдыха и лечения при полном

И. М. Сибиряков¹
Фотография конца XIX века

спокойствию, хороших гигиенических и климатических условиях в какой-либо благоприятной местности Финляндии. На встречу этого проекта явилось предложение линтульской православной женской общины. Совет старших сестер общины предоставил безвозмездно в полное распоряжение Государыни Императрицы принадлежащую общине обширную трехэтажную дачу в сухом сосновом лесу, на берегу озера «Красавица», в 8-ми верстах от Териоки. Временный Комитет, получив столь ценное пожертвование, немедленно испросил соизволения Государыни Императрицы на устройство в этой даче «Здравницы Ея Величества» и поручил всю организацию дела генерал-майору Д. А. Озерову. В настоящее время все помещение вполне готово, располагая 75 местами для нижних чинов. Лица, желающие принести свою лепту на это доброе дело, приглашаются вносить свои пожертвования в Канцелярию Ее Величества Государыни Императрицы Марии Феодоровны (Фонтанка, 50)»³.

22 июня 1905 года императрица Мария Федоровна лично посетила усадьбу, где ей были представлены 11 находившихся в госпитале на излечении раненых и больных солдат, эвакуированных с Дальнего Востока⁴. Вскоре лечебное заведение получило имя императрицы. Так в «Летописи войны с Японией» от 25—31 июля 1905 года указывалось: «Здравница имени Ее Величества Государыни Императрицы Марии Феодоровны устроена в Финляндии на берегу озера «Красавица» <...> Это небольшое имение <...> принадлежит Линтульской православной женской общине <...> Больничную обстановку: кровати, мебель, посуду пожертвовали местные торговцы и финляндцы из Гельсингфорса. В настоящее время в здравнице все койки заняты, а на некоторых уже сменились серии выздоровевших пациентов. По постановлению распорядительного комитета особой комиссии по бесплатному размещению больных и раненых воинов, во вновь устроенную здравницу по преимуществу помещаются нижние чины с болезнями дыхательных органов и нервной системы. Площадь имения равняется 100 десятинам, что дает возможность больным опраться и отдыхать в вполне здоровой и лесистой местности»⁵.

После окончания русско-японской войны в главном трехэтажном здании усадьбы некоторое время жили ее инвалиды, а затем действовал легочный санаторий (здравница) на 50 мест имени великого князя Михаила Александровича. В 1909 году в приказе по Военному ведомству № 561 было приведено временное положение о санатории-здравнице. 16 сентября 1912 император Николай II утвердил новое принятое Военным Советом 31 августа того же года «Положение о санатории-здравнице на Линтульской даче у станции Териоки Финляндской железной дороги», в котором говорилось:

«1. В учрежденную Его Императорским Высочеством Великим Князем Михаилом Александровичем и содержащую на собственные Его Высочества средства санаторию — здравницу на 50 туберкулезных больных на Линтульской даче по

Усадьба И. М. Сибирякова
«Здравница»²
Фотография начала XX века

184603/1

Финляндской железной дороге у станции Териоки могут помещаться нижние чины частей войск гвардейского корпуса в числе 40 человек, признанные свидетельствовавшими их комиссиями <...> нуждающимися по состоянию здоровья для поправления здоровья в отпуске на срок до 4 месяцев включительно и при том предрасположенные в значительной степени к туберкулезу. Остальные 10 мест в санатории-здравнице находятся в распоряжении Августейшего учредителя санатории и на эти места больные помещаются по усмотрению Его Императорского Высочества.

2. Нижние чины в санатории назначаются только желающие. Вопрос о помещении больных нижних чинов в означенную санаторию решается комиссией <...> при одном из лазаретов гвардейских частей при обязательном участии корпусного врача гвардейского корпуса.

3. Срок пребывания нижних чинов в санатории определяется 4 месяцами, по окончании которого, после освидетельствования в вышеуказанной комиссии, срок этот может быть продолжен до одного года, но в таком случае эти нижние чины переходят на положение уволенных в продолжительный отпуск, <...> затем нижние чины, не оправившиеся к концу и этого срока, подлежат увольнению, по освидетельствовании, вовсе от службы...

4. Назначенные в санаторию нижние чины отправляются туда с подробными данными о настоящем состоянии их здоровья, о течении их болезни, доставляемыми в санаторию старшим врачом части, к которой принадлежит нижний чин, по истребовании таких же данных и от военно-лечебных заведений, если в них нижний чин находился до сего на пользовании.

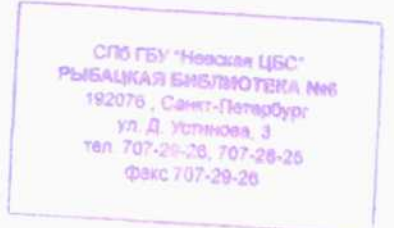
5. В указанной в пункте 2 комиссии свидетельствуются и те нижние чины, находящиеся на пользовании в санатории, которые по состоянию их здоровья будут подлежать увольнению в продолжительный отпуск или вовсе от службы.

6. Переезд нижних чинов в санаторий-здравницу и обратно в часть по железной дороге <...> производится по предложениям»⁶.

Один из местных жителей — Антти Лескинен позднее так вспоминал о работе военного госпиталя, а затем легочного санатория: «На берегу Каухиярви во время русско-японской войны для раненых была организована лечебница в бывшем в собственности монастыря Линтула строении, где было около 300 койко-мест. На берегу озера было построено машинное помещение, куда было проведено электричество, с помощью которого насосом подавалась вода. Все ремонтные и строительные работы были доверены живущему в Петербурге мастеру-строителю, а задачей моего отца было приобретать нужные для лечебницы доски. Так нам представилась возможность предложить также приобретение мяса для лечебницы. За содержание и оплату отвечала вдовствующая императрица Мария Феодоровна. Нам посоветовали делиться прибылью с завхозом лечебницы Порхатцевым. Я тоже участвовал в этом. Мы стали поставлять мясо и молоко в санаторий, который назывался теперь «Санаторий Ее Величества Марии Феодоровны». Мне довелось писать счета для самой императрицы, т. к. я в какой-то мере владел русским языком. Меня удовлетворенно похлопали по плечу и сказали «Вот молодец».

Мясо должно было быть первоклассным, сначала годилось лишь купленное в Петербурге. Кроме того, нужны были всякие продукты: куры, яйца, овощи и фрукты. Когда перестали поступать раненые, в лечебницу доставляли военных и служащих с легочными заболеваниями. Теперь главным управляющим был Великий князь Михаил Александрович. Во время мировой войны санаторий перешел в ведение Красного Креста, и завхозом был назначен капитан Трипецкий. Последний счет он уже мог оплатить не настоящими деньгами, а рублями размером с почтовую марку, в которых уже не было никакой ценности»⁷.

В годы Первой мировой войны (1914—1917) санаторий вновь работал в качестве военного госпиталя для поступающих с фронта раненых и больных сол-

дат и офицеров. Лишь в конце 1917 года, уже после Октябрьской революции и предоставления независимости Финляндии его деятельность прекратилась. Главное трехэтажное деревянное здание усадьбы «Здравница» было разобрано в 1920-х, однако участок земли продолжал оставаться в собственности Линтульского монастыря вплоть до советско-финской войны 1939—1940 годов.

В период Великой Отечественной войны, после занятия Карельского перешейка финскими войсками в «Раунице» («Здравнице») находился их военный госпиталь, в котором гражданские лица также могли получить медицинскую помощь. Кроме того, на территории усадьбы в 1943—1944 годах были бараки, где размещался небольшой гарнизон, как правило, один батальон, выведенный с линии фронта на очередной отпуск. Эти части относились к финскому полку Валила и 200-му егерскому полку, сформированному главным образом из эстонских добровольцев (так называемых «финских ребят»). Однажды на территории барачных производил большой взрыв, в результате которого погибло 32 эстонских добровольца, похороненных на мемориальном кладбище в Мальми (23 июня 1997 в Эстонии был открыт памятник военнослужащим 200-го егерского полка)⁸. В ходе боев при освобождении Карельского перешейка летом 1944 года постройки финского военного госпиталя в основном погибли.

***

Особо следует сказать о благотворителе обители бессребреннике Иннокентии Михайловиче Сибирякове, позднее схимонахе Иннокентии, ставшем примером нестяжательства для всей России. В статье о его жизни, опубликованной в журнале «Наставления и утешения святой веры христианской» к десятилетию со дня кончины о. Иннокентия, ее автор — насельник Свято-Андреевского скита монах Климент отмечал: «Еще в детстве, читая Четьи-Минеи, я восхищался богатырями христианского духа, кои, расточив предварительно на добрые дела свою собственность, бежали потом из мира в дикие пустыни и проводили в них жестокою, полную лишений, болезней и скорбей жизнь. Меня удивляло <...> то презрение, с которым они относились ко всяким вещественным благам <...> ко всему, что пленяет сердце людей временного века. И хотелось мне тогда в наивной простоте видеть, даже осязать таких богатырей. Это желание мое со временем и сбылось. Я увидел и даже счастья имел наблюдать жизнь одного из таких редкостных людей. Это был схимонах Иннокентий (Сибиряков)»⁹.

Иннокентий Михайлович Сибиряков родился 30 октября 1860 года в Иркутске в семье крупного золотопромышленника и предпринимателя. Купеческий род Сибиряковых — один из самых древних, богатых и влиятельных в Сибири, был основан выходцем из крестьян Устюжского уезда Архангелогородской губернии Афанасием Сибиряковым в конце XVII века. Отец Иннокентия, Михаил Александрович, являлся купцом 1-й гильдии, совладельцем золотых приисков, винокурных заводов, Бодайбинской железной дороги, пароходства, а старший брат Александр унаследовал капитал в 5 миллионов рублей и также был крупным предпринимателем и благотворителем.

Когда Иннокентию исполнилось семь лет, по преданию, его будущее было сокровенно открыто епископу Полтавскому Александру (Павловичу). Приехав летом 1868 года на Афон и, поселившись в Свято-Пантелеимоновском монастыре, владыка посетил и Свято-Андреевский скит. Братия обратилась к нему с просьбой заложить за оградой обители церковь во имя Казанской иконы Божией Матери, в день празднования которой в 1849-м скит был основан. Однако епископ Александр посоветовал братии выстроить такую церковь в другом месте, а на этом заложить храм в честь свят. Иннокентия Иркутского. На возражения старцев владыка сказал, что «Бог пришлет сюда из Сибири благодетеля, соименного сему Святителю, и что этот благодетель выстроит на сей закладке церковь и больницу». Это пророчество Владыки в точности сбылось¹⁰.

Обеспеченная юность не испортила Иннокентия, он с детства привык переживать горе и нужду других и поддерживать обездоленных. В Иркутске юноша учился в реальной прогимназии, преобразованной на последнем году его обучения в Техническое училище. В середине 1870-х годов И. М. Сибиряков переехал в Санкт-Петербург, где поступил в частную гимназию Ф. Ф. Бычкова. Именно в ее стенах Иннокентий начал многолетнюю благотворительную деятельность: в 1875-м из-за трудного материального положения гимназии он стал владельцем ее здания, которое сразу было перестроено, а площадь значительно расширена. В 1880 году Иннокентий Сибиряков окончил гимназию и 31 августа того же года поступил на естественно-научное отделение физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета. В университете И. М. Сибиряков с перерывами учился около пяти лет, но из-за болезни не закончил его, в ноябре 1885 он перешел в разряд вольнослушателей, а затем совсем покинул университет¹¹.

Уже учась в Санкт-Петербургском университете, И. М. Сибиряков активно помогал бедным студентам окончить курс и получить достойное место. В то время один случай вызвал у него глубокие размышления о смысле жизни — старший брат Александр Михайлович обнаружил коварную измену своей невесты, на которой хотел жениться. Это сильно подействовало не только на Александра, но и на его младшего брата Иннокентия, который после этого решил, что он не найдет себе счастья ни в богатстве, ни в семейной жизни, а только в Боге и в благотворительности. Первым крупным шагом И. М. Сибирякова в деле благотворительности был следующий: когда брат строил собор в Иркутске, то позаимствовал на время у него несколько сот тысяч рублей. При возврате же денег Иннокентий Михайлович отказался их взять, сказав: «Я брат тебе, пусть и моя лепта будет вместе с твоей в святом деле»¹².

Вскоре его благотворительная деятельность существенно выросла, Иннокентий Михайлович начал ежедневно принимать до 400 бедняков¹³, немало потрудился он и на ниве общественной благотворительности, субсидируя важные для России проекты. И. М. Сибиряков помогал Томскому университету, Восточно-Сибирскому отделению Российского географического общества, снаряжал разнообразные исследовательские экспедиции. Иннокентий Михайлович способствовал изданию произведений многих русских классических и современных ему писателей, а также трудов научных исследователей. На его средства были изданы «Сибирская библиография», «Русская историческая библиография» и др., открыта в 1887 году публичная библиотека в Ачинске, снаряжена экспедиция в Якутию¹⁴.

В начале 1880-х годов в Санкт-Петербурге большую известность приобрела лекционная деятельность физиолога Петра Францевича Лесгафта, И. М. Сибиряков ходил слушать его лекции и 24 августа 1883 года передал ученому более 200 тысяч рублей золотом на строительство Биологической лаборатории. Значительное количество ее помещений позволило П. Ф. Лесгафту открыть курсы по подготовке руководящих и воспитательниц физического образования, которые позднее были преобразованы в институт (ныне Академия физической культуры им. П. Ф. Лесгафта).

Еще в университете Иннокентий Михайлович включился в общественную жизнь Санкт-Петербурга и Сибири. В 1884 году в столице возникло Общество содействия учащимся в Петербурге сибирякам, членом Распорядительного комитета которого был избран И. М. Сибиряков; к 25 годам он стал почетным жертвователем Общества попечения о начальном образовании в Барнауле и членом-ревнителем Общества попечения о начальном образовании в Томске. В 1889-м Иннокентий Михайлович был избран членом Восточно-Сибирского отдела Императорского русского географического общества, а еще через два года стал членом-соревнователем этого общества в Петербурге. С молодых лет

И. М. Сибиряков был пожизненным членом Санкт-Петербургского общества попечения о бедных и больных детях, имел членство в ряде других общественных организаций и учреждений России, например в основанном в 1893 году «Обществе содействия физическому развитию». Значительную помощь оказал Иннокентий Михайлович Высшим женским (Бестужевским) курсам в Санкт-Петербурге — первому в России высшему учебному заведению для женщин, пожертвовав 200 тысяч рублей на строительство учебного здания, общежития и т. д. Сибиряков часто сам инициировал многие научные и исследовательские проекты, которые впоследствии и финансировал. Так, например, по его инициативе было проведено первое в России крупное исследование положения рабочих на золотых приисках¹⁵.

В дальнейшем Иннокентий Михайлович выделил 420 тысяч рублей на пособия приисковым рабочим в случае увечий и других несчастных случаев, создав для этих целей специальный фонд имени своего отца М. А. Сибирякова. При этом он заботился не только о быте, но и о досуге добывавших золото рабочих. Известно, что на его пожертвования была основана и содержалась библиотека на Успенском золотом прииске, а также ряд других народных библиотек, читален и школ. Храмы же строились, как правило, на всех крупных приисках, которые и свои названия получали по престольным праздникам расположенных на их территории церквей. И. М. Сибиряков с 1880-х годов тратил свои средства не только на образовательные, культурные, научные проекты, но и выделял значительную сумму на устройство и благоустройство храмов. Так, благодаря ему, в Иркутске была возведена церковь в честь преп. Михаила Клопского в богадельне имени М. А. Сибирякова, а также построен храм Казанской иконы Божией Матери.

В конце 1880-х годов И. М. Сибиряков совершил оказавшую на него заметное влияние образовательную поездку по Европе. В дальнейшем его биограф монах Климент отмечал: «Какой поразительный контраст! Сотни богатых людей едут за границу для удовольствия, привозят домой массу багажа, нахватавшись модных мыслей, начинают сеять у себя на родине смуты, безбожие, анархизм, или стараются умножить и без того многие капиталы, эксплуатируя чужой труд. Сибиряков, путешествуя по свету, учится христианской философии, открывает суету жизни, видит страдания честных, любящих Бога людей, решает идти навстречу тем, кто обездолен судьбой и, как в этом деле, так и в общении с Богом, в молитве, думает найти утешение своему скорбящему духу»¹⁶. После возвращения из поездки, осенью 1890 года Иннокентий Михайлович поселился в столице, в квартире на Гороховой улице и всю свою благотворительную деятельность сосредоточил на церковной деятельности, его часто стали видеть в петербургских храмах и окрестных монастырях¹⁷.

Очевидец, наблюдавший быт Иннокентия Михайловича после его обращения к Богу, рассказывает о великодушии благотворителя следующее: «Кто только из столичных бедняков не был у него в доме на Гороховой улице, кто не пользовался его щедрым подаванием, денежной помощью, превосходящей всякие ожидания! Дом его обратился в место, куда шли алчущие и жаждущие. Не было человека, которого он выпустил бы без щедрого подавания. Были люди, которые на моих глазах получали от Сибирякова сотни рублей единовременной помощи <...> Сколько, например, студентов, благодаря Сибирякову, окончили в Петербурге свое высшее образование! Сколько бедных девушек, выходящих замуж, получили здесь приданое! Сколько людей, благодаря поддержке Сибирякова, взялось за честный труд!»¹⁸

Сам Иннокентий Михайлович в это время говорил: «Я обладаю богатством. Как это случилось, — думал я, — что в моих руках скопились такие средства, которыми могла бы прокормиться тысяча людей? Не являются ли эти богатства, случайно попавшие ко мне в руки, достоянием других людей? И я нашел, что

это именно так, что мои миллионы — это результат труда других лиц, и я чувствую себя неправым, завладев их трудами. Жизнь наша красна бывает тогда, когда все нам улыбается вокруг, но если вы чувствуете подле себя нищету, будучи сами богаты, то вам как-то становится не по себе <...> При помощи своих денег я видел мир Божий, повидал всех людей света. Изучил их жизнь, быт, нравственные недостатки, узнал все их радости, счастье и горе. Но что из всего этого прибавилось к моему личному счастью жизни? Ровно ничего, та же пустота в сердце, то же сознание неудовлетворенности, то же томление души <...> Отсутствие счастья в жизни гнетет мое сознание безотчетным чувством скорби, горести и отчаяния. Так чувствую я себя теперь, по возвращении в Россию. Здесь, как и везде на свете, я вижу только одни страдания людей, одни муки человеческие, одну суету мирскую. Как будто вся наша жизнь только в этом одном состоит, как будто Господь Бог всех нас создал для одних страданий на свете, и нет для человека никакой отрады, кроме одного печального конца — смерти <...> И я думаю, что все эти пытки, все мучения, все страдания суть лишь вещи, приобретенные человеком, но не наследие Божие для нас на земле. Ведь Царство Божие внутри нас, а мы все этим пренебрегли и впали в отчаяние, в тоску, в ад жизни. Да, слаб, ничтожен и малодушен человек в выборе своего земного блага, личного счастья!»¹⁹

У благотворителя почти не оставалось личного времени, и тогда он решил организовать особое бюро для оказания денежной помощи, через которое раздал нуждающимся миллионы рублей. Вместе со святым праведным отцом Иоанном Кронштадтским И. М. Сибиряков был учредителем Благотворительного общества имени святителя Иннокентия Иркутского в Санкт-Петербурге и его почетным членом. В 1890 году Иннокентий Михайлович стал одним из учредителей Общества для вспомоществования нуждающимся переселенцам, начало деятельности которого совпало с голодом, постигшим Россию в следующем году.

Входя однажды в столичную Знаменскую церковь, И. М. Сибиряков положил на книжку стоявшей на паперти монахини серебряный рубль. Та, привыкнув видеть в числе подаваний лишь мелкие монеты, так умилилась этим даром, что на глазах у жертвователя упала на колени перед образом Знамения Пресвятой Богородицы и стала громко возносить молитвы за щедрый дар на ее бедную обитель. Тронутый Сибиряков спросил у монахини ее адрес и название обители. На следующий день Иннокентий Михайлович пришел по адресу и передал монахине для ее женского Угличского монастыря все свои карманные деньги — около 147 тысяч рублей. Та пришла в ужас от такой суммы и заявила о случившемся в полицию. Началось следствие, родственники Сибирякова настаивали на его невменяемости. Но суд признал жертвователя в здравом уме и твердой памяти и утвердил за Угличским монастырем право на 147 тысяч рублей. Судебный процесс сильно подействовал на Иннокентия Михайловича, и он решил навсегда покончить с многосуетным миром, удалившись на Святую Гору Афон²⁰.

Перемены в духовной жизни И. М. Сибирякова почти совпали по времени с прибытием в Санкт-Петербург с Афона главной святыни Свято-Андреевского скита — чудотворной иконы Божией Матери «В скорбех и печалех утешение». Именно этот чудотворный образ имел решающее значение в главном выборе жизни Иннокентия Михайловича, молившегося пред иконой вместе с настоятелем петербургского Старо-Афонского подворья скита иеромонахом Давидом (Мухрановым), который получил откровение о будущем монашестве Иннокентия и сообщил ему об этом. В начале 1900-х годов иеросхимонах афонского Свято-Пантелеимоновского монастыря о. Владимир описал это событие в своем дневнике, хранящемся в архиве Руссика. Имеется в дневнике и важное свидетельство о том, что монашеский путь не являлся только выбором сердца благотворителя, но это было небесное избрание: «В то время явился к Сибиря-

кову отец Давид Андреевский, с чудотворною иконою и открыл ему видение, что он должен быть монахом у них в скиту. Сибиряков ответил, что и у него есть уже стремление к этому. Вот с того момента он и поступил к ним, сначала на подворье в Санкт-Петербурге, а потом и сюда на Афон и вполне предал свою волю отцу Давиду, даже и с многомиллионным капиталом»²¹.

Родные и близкие Иннокентия Михайловича несколько лет безрезультатно пытались отговорить его от ухода в монастырь, возникали и новые суды. В упоминавшемся дневнике насельника Руссика иеросхимонаха Владимира говорится о том, что слух о деле миллионера Сибирякова дошел до императора, и Александр III пожелал встретиться с Иннокентием Михайловичем. Во время этой встречи И. М. Сибиряков «умно поговорил» с царем, и тот повелел его отпустить и больше не трогать. Пока это свидетельство не подтверждено специальным исследованием. Но если такая встреча и имела место, то покровительство Александра III не было продолжительным: осенью 1894 года император скончался. Похоже, что этим обстоятельством и воспользовались гонители Иннокентия Сибирякова, так как уже в начале 1895-го его подвергли новому освидетельствованию. «Большинством голосов и тут Сибиряков признан был здоровым», — писал изучавший это дело историк М. К. Соколовский²². В архиве Свято-Пантелеимоновского монастыря сохранились некоторые документы судебного дела И. М. Сибирякова 1894 и последующих годов²⁴.

Несмотря на скорби и судебные дела, И. М. Сибиряков по-прежнему не оставлял своей благотворительной деятельности, особое внимание уделяя духовному просвещению Сибири — он высылал туда книги в библиотеки по списку, рекомендованному Святейшим Синодом. На устройство детского приюта для девочек при Литейно-Таврическом кружке «Общества пособия бедным женщинам» Иннокентий Михайлович пожертвовал свой дом в Райволе (ныне Роцино) и капитал в 50 тысяч рублей. В 1896 году И. М. Сибиряков передал 10 тысяч рублей Спасо-Преображенскому Валаамскому монастырю для строительства Воскресенского скита на месте, где стояла часовня Св. ап. Андрея Первозванного (возведенная двухэтажная церковь Воскресения Христова и все строения скита сохранились до наших дней). Известно, что и Коневскому монастырю на о. Коневец в Ладожском озере была пожертвована такая же сумма. Уже говори-

Монах Иннокентий Сибиряков²²
Фотография начала XX века

лось и о пожертвовании благотворителем своей усадьбы «Мир» Линтульскому монастырю. При этом, по свидетельству современников, сам И. М. Сибиряков жил скромно, избегая роскоши и комфорта и даже отказывая себе во многом.

Между тем под руководством ставшего его духовным отцом иеромонаха Давида Иннокентий Сибиряков начал осваивать азы духовного делания и утвердился в намерении принять монашеский постриг на Афоне. При этом о. Давид хотел показать Иннокентию Михайловичу все сложности монашеской жизни, для чего они предприняли совместную поездку на Святую Гору. В ходе этой поездки произошло знаменательное событие. В Свято-Андреевском скиту уже 25 лет строился огромный собор Св. ап. Андрея Первозванного, но строительство шло чрезвычайно медленно из-за недостатка средств; в таком же незавершенном состоянии находилось строительство больничного корпуса с храмом Св. Иннокентия Иркутского. Желая помочь насельникам скита, вскоре после возвращения со Святой Горы Иннокентий Михайлович передал своему духовнику для завершения работ на Петербургском подворье скита и на строительство собора Св. ап. Андрея Первозванного и храма Св. Иннокентия Иркутского колоссальную для того времени сумму — 240 тысяч рублей²⁶. Именно на средства своего духовного сына о. Давид устроил в Санкт-Петербурге несколько благотворительных учреждений.

Постепенно И. М. Сибиряков твердо осознал, что монашество является единственно приемлемым для него путем, и в 1894 году поступил в число насельников Свято-Андреевского подворья в Санкт-Петербурге, в здании которого стал с того времени жить. Здесь, 1 октября 1896, в возрасте 35 лет, Иннокентий Сибиряков принял от о. Давида постриг в рясофор и немедленно отправился на Афон в Свято-Андреевский скит, как обычный рядовой инок. Скинув мирской костюм и примеряя монашеский подрясник, он произнес знаменательные слова: «Как хорошо в этой одежде! Нигде не давит! Слава Богу! Как я рад, что в нее оделся!»²⁷

Следует отметить, что афонская монашеская жизнь того времени знала иные примеры, характерные для греческих штатных (идиоритмических) монастырей. В них каждый вкладчик получал соответствующую его вкладу честь, что создавало неравенство в монашеской среде. Богатые вкладчики имели по несколько

Свято-Андреевский скит на Афоне²⁵
Фотография начала XX века

комнат, и даже своего рода прислугу из числа бедных монахов. Вся жизнь Иннокентия Михайловича была отвержением подобного неравенства. И. М. Сибиряков мог бы поступить в греческий идиоритм или купить отдельную келию, но он искал настоящего монашества и истинного подвига. Особенно привлекала о. Иннокентия безмолвная жизнь иноков. Возможно, в поисках уединения на него повлиял пример известного подвижника Свято-Андреевского скита молчальника Андрея, подвизавшегося за пределами обители.

Отец Иннокентий взял благословение у игумена и построил недалеко от скита небольшую келию с храмом в честь вмц. Варвары, преп. Михаила Клопского и преп. Давида Солунского, небесных покровителей его родителей и архимандрита Давида²⁸. Там он поселился вместе со своим духовным отцом, с которым теперь был связан неразрывно. Поэтому, когда о. Давида на короткое время снова назначили настоятелем Санкт-Петербургского подворья скита, инок вместе с ним приехал в столицу. В 1898 году его духовный наставник вновь вернулся на Афон, и с ним о. Иннокентий. Там он 28 ноября 1898 года принял постриг в мантию с именем Иоанн в честь Предтечи Иоанна — Крестителя Господня. По свидетельству иеромонаха Серафима, «с принятием ангельского образа инок Иоанн душевно оплакивал, что много времени потратил на суету и изучение мудрости века сего». Менее чем через год, 14 августа 1899, монах Иоанн принял постриг в схиму с именем Иннокентий в честь святителя Иннокентия Иркутского²⁹.

В 1897 году на пожертвования И. М. Сибирякова в Свято-Андреевском скиту был возведен больничный корпус, при закладке которого в основание больницы заложены мощи святых бессребреников Космы и Дамиана; в 1902-м было завершено строительство больничного храма Свт. Иннокентия Иркутского и Благовещения Пресвятой Богородицы. В этом корпусе схимник Иннокентий и скончался. Через несколько лет после его смерти настоятель скита архимандрит Иосиф устроил в больнице маленький храм для тяжелобольных, который был освящен в честь св. вмч. и целителя Пантелеимона, всех святых бессребреников и преп. Серафима Саровского, которого лишь недавно причислили к лику святых.

16 июня 1900 года в скиту был освящен достроенный на средства о. Иннокентия грандиозный собор Св. ап. Андрея Первозванного. Таким образом, Святая Гора получила храм, самый крупный на Афоне, в Греции и на Балканах, рассчитанный на 5 тысяч молящихся. Строительство этого собора обошлось Свято-Андреевскому скиту почти в 2 миллиона рублей. В 1902 году, когда торжественно праздновалось десятилетие настоятельства архимандрита Иосифа, в поздравительной речи, обращенной к настоятелю, иеромонах Владимир сказал: «Пред началом постройки собора вы не раз говаривали: "Только надо с помощью Божиею начать дело, а Матерь Божия поможет нам". И действительно, Пречистая Помощница беспомощных помогла вам, послав человека (блаженной памяти схимонаха Иннокентия Сибирякова), который дал нам необходимые на это богоугодное дело средства»³⁰.

На торжество освящения Андреевского собора прибыло на Афон много приглашенных, однако при этом имя ктитора нигде не прозвучало. Все земные деяния были преданы им забвению. Известно, что благотворительность схимонаха Иннокентия на Афоне не ограничивалась только Свято-Андреевским скитом, в частности, одна из лучших келий на Святой Горе, в которой позже подвизался известный отшельник Парфений, была построена на его деньги.

Братия Свято-Андреевского скита отмечала, что на Афоне схимонах вел аскетическую жизнь, никогда и нигде не позволяя себе выделиться среди остальных насельников. Паломник, побывавший в скиту в 1900 году, также писал: «Здесь же, в одной из келий, принадлежащих Андреевскому скиту, живет отец Иннокентий (бывший миллионер, крупный сибирский золотопромышленник

И. М. Сибиряков), ведущий замечательно подвижнический образ жизни. В этой келии пять дней в неделю не полагается есть никакой горячей пищи, а масло и вино употребляются только по субботам и воскресеньям»³¹.

О духовном подвиге подвижника сообщал и монах Климент: «Приняв великий постриг, отец Иннокентий проводил строго постническую и глубоко безмолвную аскетическую жизнь. Нельзя не удивляться, как он, с детства привыкший к изысканным блюдам, питался грубой монастырской пищей без вреда для желудка и, проводивший время также с детства в веселом светском обществе, теперь оставался все время в келии один, беседуя лишь с Богом в молитвенных подвигах и наслаждаясь чтением душеполезных книг <...> В братии доселе вспоминаются и, вероятно, долго будут вспоминаться его братская любовь и неподдельное смирение, кои проявлялись у него во всех его поступках». По словам о. Климента, святогорским аскетам молодой схимник явил «образец совершенной нестяжательности и подвижнической жизни»³².

Еще одно свидетельство об о. Иннокентии было составлено паломником иеромонахом Серафимом со слов настоятеля скита архимандрита Иосифа и братии в 1908 году: «Дни своей иноческой жизни он проводил, пользуясь малым отдыхом, в строгом посте и горячей слезной молитве. Он в полной мере выполнил в иночестве заповедь нестяжания и послушания беспрекословного и вполне с дерзновением мог сказать с апостолом: "Се, мы оставимом вся и в след Тебе идехом" <...> С принятием святой схимы отец Иннокентий усугубил свои подвиги; он непрестанно был в богомыслии, творя <...> Иисусову молитву, а память смертная не оставляла его, но всегда с ним пребывала, и он нередко проливал потоки благодатных слез умиления в своей пламенной молитве». Отцу Иннокентию неоднократно предлагали принять сан священства, но он не согласился, считая себя недостойным³³.

26 сентября 1901 года схимонах Иннокентий тяжело заболел, предположительно, туберкулезом. Последние дни он провел, лежа в келье во вновь построенной больнице. За три дня до смерти его посетил настоятель Свято-Андреевского скита архимандрит Иосиф. Больной с глубоким смирением сказал: «Батюшка, простите меня, не могу я Вас встретить, как следует; ничего не могу сказать, кроме своих грехов». После этого о. Иннокентий исповедовался, над ним было совершено таинство соборования. 6 ноября 1901 года после литургии в Андреевском соборе схимонах Иннокентий причастился Святых Христовых Тайн и в тот же день скончался — на сорок первом году жизни, 8 ноября его тело предали земле.

После преставления отец Иннокентий был одет в схимнические одежды и перенесен в церковь своего небесного покровителя — свт. Иннокентия, первого епископа Иркутского, освящение которой готовилось на следующий день. Здесь была отслужена панихида, а потом тело схимонаха Иннокентия перенесли в собор Св. ап. Андрея. 8 ноября в день Архистратига Михаила торжественный обряд отпевания смиренного схимника совершил греческий архиерей Неофит в сослужении 60 священников. Храм Свт. Иннокентия Иркутского был освящен через 20 дней после кончины его строителя.

Следует отметить особое почитание схимонахом Иннокентием своего небесного покровителя. В честь тезоименитого святого благотворитель устроил церковь при больничном корпусе, придел в соборе Св. ап. Андрея Первозванного в Свято-Андреевском скиту, придел в храме Св. кн. Александра Невского при Первом реальном училище Санкт-Петербурга, церковь Свт. Иннокентия в селе Омолой на реке Лене, храм во имя свт. Иннокентия Иркутского в Свято-Троицком Николо-Уссурийском монастыре и кладбищенский храм Свт. Иннокентия в Углическом Богоявленском монастыре. Свою дачу на Карельском перешейке и денежное пожертвование в размере 10 тысяч рублей жертвователю оставил Линтульской монашеской общине с условием, что сестры тоже выстроят церковь во имя Свт. Иннокентия Иркутского.

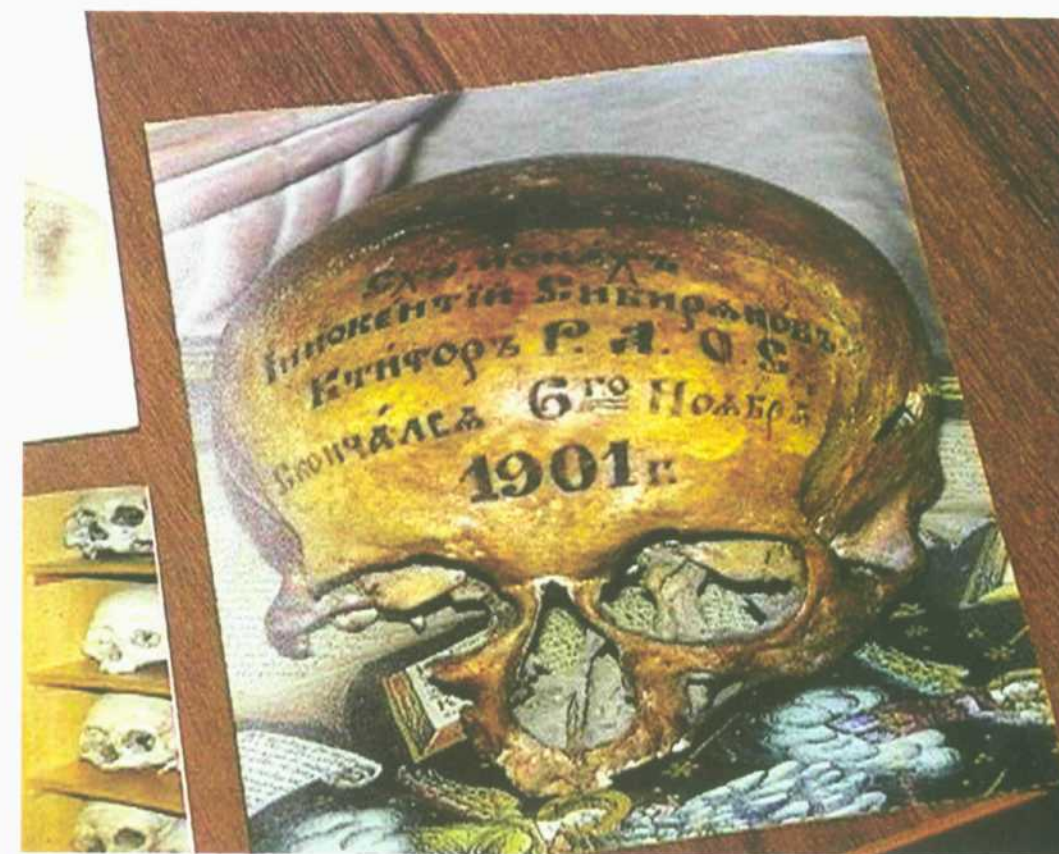

Известие о смерти отца Иннокентия (Сибирякова) было отмечено большим вниманием в России. Некрологи и посвящения выдающемуся благотворителю были помещены более чем в 20 печатных периодических изданиях. Многие светские организации заказали об о. Иннокентии панихиды, оповестив о месте и времени их служения широкий круг людей. В числе многих благодарных слов, сказанных и написанных в дни памяти о. Иннокентия, были и слова его земляков по Санкт-Петербургу и Сибири. «Иннокентий Михайлович являлся товарищем и другом молодежи; она всегда находила у него необходимую помощь, — говорилось в некрологе Общества содействия учащимся в Санкт-Петербурге сибирякам. — Покойный был одним из тех убежденных людей, которые признавали за долг свои знания, средства и силы употреблять на пользу вскормившей и воспитавшей их родине <...> Вполне бескорыстное отношение Иннокентия Михайловича к делу помощи учащимся, которое он любил, для которого отдавал свои силы в течение пяти лет, навсегда будет памятно Обществу, и все, кто знал покойного, искренно скажут вечную память Иннокентию Михайловичу, вся жизнь которого была стремлением к пользе своей родины, к правде и душевному покою»³⁴.

Через три года после кончины по афонскому обычаю честные останки были обретены братией скита. Они были темно-желтого воскового цвета, что является на Афоне признаком святости подвижника. Главу схимонаха Иннокентия по обычаю поместили в костницу скита на почетное место вместе с главами святых подвижников, старцев основателей скита — иеросхимонахов Варсонофия и Виссариона. По уважению братии к о. Иннокентию и по просьбе его сестры тело схимонаха оставили в земле у Андреевского собора с западной стороны рядом с могилой первого игумена скита о. Виссариона. В сообщении о кончине бывшего миллионера в журнале Свято-Пантелеимоновского монастыря «Душеполезный собеседник» было прекрасно сказано словами Священного Писания: «О нем кратко и ясно можно так сказать: "скончался в мале, исполни лета долга" (Прем. 4: 13)»³⁶.

Побывавший в Свято-Андреевском скиту в 1908 году иеромонах Серафим (Кузнецов) писал: «Посетил я здесь могилку близ нового собора <...> современного подвижника, ктитора скита, молодого схимонаха Иннокентия, <...> прах которого по просьбе его сестры <...> не взят из земли, а почивает в могиле. Помолвившись на могиле этого великого современного благотворителя и смиренного подвижника, я почувствовал на душе своей какую-то легкость и отраду. Как бы легким и приятным ветерком прохледило мое сердце. Я подумал: поистине здесь пред моими глазами могила скрыла прах великого человека, который по заповеди Христа все свое многомиллионное состояние передал в небесные сокровищницы и получил нетленный венец в горних обителях рая». Отец Серафим стал первым человеком, письменно засвидетельствовавшим святость схимонаха Иннокентия. Иеромонах отметил в своих путевых заметках, что о. Иннокентий «ради любви к Богу с радостью все перенес, за что и Господь прославит его и на небе, и на земле вечной славой! <...> Пока будет существовать мир, все христианское население его будет удивляться его высокому примеру самоотверженной любви к Богу, и память о нем будет незабвенной в род и род». Тронутый прикосновением мира небесного и размышляя о судьбе схимонаха Иннокентия, иеромонах Серафим утверждал: «Пример сей поистине в наше слабое время, пример чудный и изумительный»³⁷.

Но лучшим памятником о. Иннокентию на земле являются не столько благодарные строки его современников, сколько зримые и сегодня плоды его деяний. Одни из них развились в крупные культурные, научные и образовательные центры, другие сохраняются в зданиях, построенных на пожертвования благотворителя. Вершиной же деятельности о. Иннокентия как жертвователя и ктитора, несомненно, являются храмы и другие постройки на Святой Горе

Афон. Схимонах Иннокентий скончался, прожив недолгую, но яркую жизнь и осветив ею земной путь многим людям. 36 лет светской жизни Иннокентия Михайловича Сибирякова оказались подготовкой для высокодуховного, хотя и короткого — всего пять лет — монашеского подвига. При этом важно вспомнить не только о благотворениях и нравственных ориентирах схимонаха Иннокентия (Сибирякова), но и подчеркнуть то обстоятельство, что весь его жизненный путь бескорыстного и милостивого благотворения подготовили о. Иннокентия к стяжанию высшей духовной милостины — молитве за весь мир.

Ныне честная глава схимонаха Иннокентия покоится в алтаре Андреевского собора для особого молитвенного поминовения, на ней рядом с его именем и датой смерти начертано — «ктитору Р.А.О.С.». На стене нынешнего архондарики Свято-Андреевского скита и сегодня можно увидеть великолепный венок, присланный сестрой о. Иннокентия на могилу брата³⁸. Нынешний (греческий) начальник скита архимандрит Ефрем удостоверяет, что схимонах Иннокентий (Сибиряков) в установленный день почитается братией обители как ее ктитору. В октябре 2004 года частица главы о. Иннокентия прибыла в Санкт-Петербург в храм Преп. Серафима Саровского в Песочном, к которому приписана часовня Свв. бессребреников Космы и Дамиана, устроенная в онкологическом центре в пос. Песочном. Под председательством настоятеля храма Преп. Серафима Саровского протоиерея Игоря Филина было образовано «Просветительское общество имени схимонаха Иннокентия (Сибирякова)».

Честная глава схимонаха Иннокентия (Сибирякова)³⁸
Современная фотография

1. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://as.baikal.tv/news/one.php?id=22779> (дата обращения 4 марта 2015).
2. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://ristikivi.spb.ru/albums/jalkala-zdravnitsa.html> (дата обращения 4 марта 2015).
3. Летопись войны с Японией. 1905. № 56. 19–26 апреля.
4. Там же. 1905. № 66. 26 июня – 3 июля.
5. Там же. 1905. № 70. 25–31 июля.
6. См.: Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3-е. Т. XXXII, 1. СПб, 1913 г. Отд. I. Ст. 849.
7. [Электронный ресурс] Режим доступа: URL:<http://terijoki.spb.ru/history/templ.php?page=jalkala&lang=en> (дата обращения 6 марта 2015).
8. Там же.
9. Монах Климент. Бесребреник нашего времени // Наставления и утешения святой веры христианской. 1911. № 11. С. 512.
10. Там же. С. 516; Десятилетие настоятельства в Русском на Афоне Свято-Андреевском Общежительном Ските о. Архимандрита Иосифа. Одесса, 1902.
11. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга, ф. 14, оп. 3, т. 5, д. 21433; Соловьева Б. А. Иннокентий Михайлович Сибиряков // Природа. 2001. № 10. С. 92.
12. Наставления и утешения святой веры христианской. Т. 24. Одесса, 1910. С. 509; Наставления и утешения святой веры христианской. Т. 25. Одесса, 1911. С. 509.
13. Некролог схимонаха Иннокентия // Наставления и утешения святой веры христианской. 1902. № 2. С. 192–193.
14. Троицкий П. История русских обителей Афона в XIX–XX веках. М., 2010. С. 75.
15. Соловьева Б. А. Указ. соч. С. 92, 94.
16. Монах Климент. Указ. соч. С. 513.
17. Глебов С. Благодетели (из воспоминаний) // Русский паломник. 1908. № 11. С. 167.
18. Там же.
19. Русский афонский отечник XIX–XX веков. Святая Гора Афон, 2010. С. 545–546.
20. Там же. С. 546–547.
21. См.: Схимонах Иннокентий (Сибиряков). Посвящается 150-летию со дня рождения схимонаха Иннокентия (Сибирякова) / Сост. С. Ю. Никонова; под ред. протоиерея Игоря Филина. СПб, 2010.
22. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://as.baikal.tv/news/one.php?id=22779&date=2005-06-09> (дата обращения 4 марта 2015).
23. Схимонах Иннокентий (Сибиряков). Посвящается 150-летию со дня рождения схимонаха Иннокентия (Сибирякова) / Сост. С. Ю. Никонова; под ред. протоиерея Игоря Филина. СПб, 2010.
24. Архив Русского Пантелеимонова монастыря на Афоне, оп. 10, д. 97, док. 4439, л. 2–6.
25. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://afonit.info/biblioteka/russkij-afon/andreevskshn-skit> (дата обращения 4 марта 2015).
26. Забытые страницы русского имяславия. М., 2001. С. 299–300.
27. Монах Климент. Указ. соч. С. 517.
28. Альбом видов Русского Свято-Андреевского скита на Афоне. Одесса, 1914. С. 25.
29. Иеромонах Серафим. Путевые впечатления. Поездка в Иерусалим и на Афон в 1908 году. СПб, 1910. С. 148–149; Троицкий П. История русских обителей Афона в XIX–XX веках. С. 75–76.
30. Десятилетие настоятельства в Русском на Афоне Свято-Андреевском Общежительном Ските о. Архимандрита Иосифа. С. 16.
31. В стране священных воспоминаний. Сергиев Посад, 1902. С. 159–160.
32. Монах Климент. Указ. соч. С. 518.
33. Иеромонах Серафим. Указ. соч. С. 149.

34. См.: Схимонах Иннокентий (Сибиряков). Посвящается 150-летию со дня рождения схимонаха Иннокентия (Сибирякова).
35. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://as.baikal.tv/news/one.php?id=22779> (дата обращения 4 марта 2015).
36. Афонская летопись // Душеполезный собеседник. 1902. Вып. 5. С. 147–149.
37. Иеромонах Серафим. Указ. соч. С. 148–149.
38. Троицкий П. История русских обителей Афона в XIX–XX веках. С. 76–77.